

БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО НАЧАЛ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

THE BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE PRINCIPLES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Научная статья
УДК 343
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.1

Original article

АЗАРОВ Владимир Александрович
Омский государственный университет
имени Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия,
e-mail: kafprokrim@mail.ru

AZAROV Vladimir Alexandrovich
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ (И ДОЛЖЕН ЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ) БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО НАЧАЛ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ?

DOES IT EXIST (AND SHOULD IT EXIST) A BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE PRINCIPLES
IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS?

Аннотация. Для эффективного решения государственных задач органами уголовной юстиции требуется доктринальное и законодательное определение обоснованного соотношения публичного и частного начал как в уголовно-процессуальном законодательстве, так и в одноименной области самореализации субъектов производства по уголовному делу. Цель: исследование закономерностей формирования и установление масштабов (пропорции) взаимодействия государственных (общественных) и частных интересов в уголовном судопроизводстве. Методы: формальной и диалектической логики, сравнения, описания, интерпретации, исторический и толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило выявить методологически и содержательно оправданную диспропорцию в соотношении юридических средств и методов обеспечения публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве России. Существующий дисбаланс публичного и частного начал, отражающий в первую очередь официальную природу деятельности государственных органов, полномочных осуществлять уголовное судопроизводство, имеет объективные предпосылки, уходящие корнями в историю формирования отечественной системы уголовной юстиции. Присутствие – именно в ранге исключе-

Abstract. In order to effectively fulfil state tasks in the field of activities of criminal justice authorities, a legislative definition of a reasonable correlation between public and private principles is required both in criminal procedure legislation and in the same-name area of self-realisation of the subjects of criminal proceedings. Purpose: to study formation patterns and establish scales (proportions) of interaction between state (public) and private interests in criminal proceedings. Methods: formal and dialectical logic, comparison, description, interpretation, historical and interpretation of legal norms. Results: the research reveals a methodologically and substantively justified disparity in the ratio of legal means and methods of ensuring public and private interests in criminal proceedings in Russia. The existing imbalance of public and private principles, reflecting primarily the official nature of the activities of state bodies authorised to carry out criminal proceedings, has objective prerequisites rooted in the history of the formation of the national criminal justice system. The presence, precisely in the rank of exception, of legal means of protecting private interests in the public branch of Russian law, and specifically in criminal procedure law and in the relevant

ния – юридических средств защиты частных интересов в публичной отрасли российского права, а конкретно – в уголовно-процессуальном праве и соответствующей сфере государственной деятельности, продиктовано нашей принадлежностью к континентальной правовой системе и смешанным характером уголовного судопроизводства России.

Ключевые слова: публичность, диспозитивность, частные интересы, уголовное преследование, обвинение, свобода оценки доказательств, стандарты доказывания

Для цитирования: Азаров В.А. Существует ли (и должен ли существовать) баланс публичного и частного начал в уголовном процессе России? / В.А. Азаров. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.1 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 8–17.

field of state activity, is strictly dictated by our belonging to the continental legal system and the mixed nature of Russian criminal proceedings.

Keywords: publicity, disposition, private interests, criminal prosecution, accusation, freedom to evaluate evidence, standards of proof

For citation: Azarov V.A. Does It Exist (and Should It Exist) a Balance of Public and Private Principles in Russian Criminal Proceedings? *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 8–17. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.1.

ВВЕДЕНИЕ

Обращение редакции авторитетного российского юридического журнала к проблеме соотношения частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве своевременно и весьма актуально. Государство и общество, как и правовая система нашей страны, находятся на очередном «перепутье», определяя стратегию своего развития, возможно – на ближайшие десятилетия. И здесь крайне важно правильно выстроить систему приоритетов.

Очевидно, что попытка «революционного» переустройства общества и государства, как и правовых основ их существования, потерпела неудачу. В условиях экзистенциального противостояния с так называемым Западом реформируются устои государства, во многом переформируется общество, главным вектором осуществляемых реформ, судя по последним изменениям Конституции РФ, становится возвращение к геополитическим, историческим истокам и традиционным для нашего отечества духовным и социальным ценностям. В этом контексте не является исключением и сфера деятельности органов уголовной юстиции, где своевременно предложены, на наш взгляд правильные, доктринальные основы совершенствования средств и методов решения государственных задач [1]. Вместе с тем формулировка главной темы номера «Баланс публичного и частного начал в уголовном процессе» представляется по меньшей мере неоднозначной.

И ВСЕ ЖЕ: БАЛАНС ИЛИ ДИСБАЛАНС?

Сомнения, отраженные в заголовке статьи, состоят в следующем. Баланс (от фр. *balance*, букв. – весы) в любом словаре (как и в обывденной жизни) напрямую увязывается с равновесием, чаще всего – двух компонентов, составляющих какое-либо явление.

Как же в этом смысле реально позиционируют себя в российском уголовном процессе публичное и частное начала? Первое всегда, во всяком случае в обозримой ретроспективе (а точнее, с 1864 г., когда был принят Высочайшим Указом Императора Александра II Устав уголовного судопроизводства), довле-ло над вторым. Эта ситуация представляется вполне естественной, поскольку ее юридические основы формально закреплены в Уставе уголовного судопроизводства, где впервые были использованы такие характеризующие публичность термины, как «преследование», «судебное преследование», «уголовное преследование» [1, с. 113].

Советский период развития уголовно-процессуального законодательства также характеризуется использованием сердцевин-ны данного понятия, нашедшей свое отражение в УПК РСФСР 1922 г., где в ст. 9 прокуратуре предписывалось «возбуждать уголовное преследование перед судебными и следственными органами по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению». Упоминается о возможности возбуждения и

осуществления уголовного преследования и в ст. 31, 98 этого Кодекса.

Действующий УПК РФ уже многократно употребляет в тексте упомянутый термин. Его содержание разъясняется в п. 55 ст. 5.

Формируя в УПК РФ прерогативы участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (хотя здесь не все так однозначно), законодатель неслучайно открывает их перечень прокурором, которому вменяется в обязанность осуществлять от имени государства уголовное преследование соответствующих лиц в ходе производства по делу (ч. 1 ст. 37). Обоснованность многократного использования препарируемой категории в современном отраслевом законодательстве подтверждается ее закономерным включением в 2020 г. в обновленный текст Конституции РФ. В частности, отечественной прокуратуре поручено, наряду с надзором за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, осуществлять уголовное преследование лиц, совершивших преступления (ст. 129 Основного закона).

Такое постоянство нашего законодателя в употреблении словосочетания «уголовное преследование» применительно к обязанностям вполне определенных (в первую очередь властных) участников уголовного процесса объясняется объективными причинами, формировавшимися исторически. В частности, определяющим фактором утверждения публично-правовой природы нашего уголовного процесса послужило то, что существо уголовного дела у нас традиционно увязывалось с правовой оценкой преступления как деяния общественно опасного, то есть наносящего вред интересам общества в целом, подрывающего охраняемые государством под страхом наказания общественный порядок и общественное спокойствие [2, с. 280].

В этой связи вызывает большие сомнения концепция, уложенная в фундамент сегодняшних законодательных решений, о создании особой ниши с «льготным правовым режимом» для лиц, совершивших преступления против интересов «исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием либо организацией с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования», притом что преступление

«не причинило вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства» (ст. 23 УПК РФ).

Приведенное законодательное решение, запрещающее возбуждать уголовные дела и осуществлять уголовное преследование лиц, совершивших преступления, без заявления (согласия) руководителя негосударственной организации, основано на ошибочном тезисе о необходимости вывода огромной сферы общественной жизни, связанной с деятельностью коммерческих и иных негосударственных организаций, из-под государственного контроля и влияния. Именно в этой сфере, как показывает практика, совершается большое количество так называемых «экономических» преступлений. В гл. 23 УК РФ сегодня десять самостоятельных статей, включающих в том числе преступные злоупотребления частных лиц в области выполнения гособоронзаказа, что чрезвычайно актуально именно сейчас. И что же, при выявлении преступлений, связанных с невыполнением условий договора по гособоронзаказу, надлежит «добиваться» заявления или испрашивать согласие руководителя коммерческой (иной) организации на возбуждение дела и уголовное преследование виновных (к которым вполне может относиться и сам такой руководитель), как этого требует ст. 23 УПК РФ? Возникает в этой связи и второй немаловажный вопрос: неужели в данном случае (преступного невыполнения договора по гособоронзаказу) не страдают государственные и общественные интересы?

Ответы на эти вопросы лежат на поверхности. Одновременно приходится констатировать: к сожалению, все еще, несмотря на тектонические сдвиги и кардинальные изменения, происходящие в жизни российского общества и государства, продолжают «по инерции» работать лукавые лозунги и установки 90-х годов прошлого столетия: «меньше государства везде», «не надо кошмарить бизнес», «рынок решит все вопросы» и т. д.

Наши оппоненты могут возразить, сославшись на то, что «бизнес – дело частное», а значит, здесь уместна аналогия с порядком возбуждения уголовных дел частного обвинения, где инициатива уголовного преследования виновных делегирована государством потерпевшим от преступления (ст. 20, 22, 43, 45 и др. УПК РФ). Но эта аналогия неуместна, поскольку

ку она искусственно и неоправданно сужает область общественных, государственных интересов (которые, безусловно, затрагиваются деятельностью упомянутых организаций) до весьма узкого круга интересов частного лица, пострадавшего от преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ.

Подтверждением правильности последнего вывода являются изменения, внесенные законодателем в гл. 23 УК РФ, показывающие лишь несколько ситуаций (в действительности их гораздо больше), в которых деятельность коммерческой, иной организации порой весьма болезненно затрагивает интересы государственной (следовательно, и общественной) безопасности, причиняя им очевидный, а иногда серьезный вред.

Для исключения таких «неоднозначных» решений законодателя правильного и, главное, методологически обоснованного совершенствования отраслевого законодательства нашим «законотворцам» надлежит более четко представлять соотношение частных и публичных начал именно в уголовном судопроизводстве.

Здесь же сегодня диспозитивные начала представлены в виде исключения в делах частного (в меньшей степени – частно-публичного) обвинения, в содержании институтов прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) и привлечения к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации (ст. 23 УПК РФ), отчасти – в особом порядке судебного разбирательства. Неоднозначно оценивается специалистами и наметившаяся тенденция к расширению перечня дел частно-публичного обвинения за счет включения Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. в их число всех видов мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ), присвоения и растраты (ст. 160 УК РФ), а также причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), при условии, что данные преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности и не причинили вреда государственным или муниципальным интересам [2, с. 289].

Если суммировать вышеприведенные сегменты «частных мотивов», то напрашивается однозначный вывод, что вкупе они составляют

лишь малую толику диспозитивного начала в уголовном процессе, оставляя абсолютный простор для доминирования публичности в данной сфере. Отсюда следует вывод: соотношение частных и публичных начал в современном уголовном процессе представляет собой дисбаланс с очевидным превосходством второго над первым. Это подтверждает обоснованность наших сомнений, обусловивших выбор названия настоящей статьи.

Закономерность наличия несопоставимых по величине сегментов публичности и диспозитивности в современном уголовном процессе России подтверждена фундаментальным исследованием исторических, ментальных, духовно-нравственных и геополитических их предпосылок и условий формирования идеологии отечественного уголовного судопроизводства [3, с. 12–30].

Возражая против придания публичности ранга принципа уголовного процесса (с чем можно поспорить), обоснованно подчеркивая ее системообразующий характер, А.С. Барабаш убедительно возражает Н.А. Громову и В.В. Николайченко, считающим адресатами принципов уголовного процесса гражданина и представителей государства [4, с. 33]. Действительно, «возможно, это приемлемо для гражданского процесса, где преобладает общепозволительный тип правового регулирования, дающий высокий уровень свободы для усмотрения, саморегулирования личности, но не для уголовного, в рамках которого, в первую очередь, реализуется публичный интерес» [3, с. 36].

Аналогичные оценки соотношения публичности и диспозитивности в уголовном судопроизводстве можно отыскать и в серьезных научных трудах других исследователей [5; 6; 7].

В контексте сказанного весьма своеобразные направления «модернизации» уголовно-процессуального законодательства предлагают авторы фундаментальной работы, посвященной инициативному проекту кардинальной реформы уголовного и уголовно-процессуального законодательства в направлении их дальнейшей гуманизации и либерализации [8].

Если обобщенно представить главную идею упомянутой «модернизации», то она со-

стоит в стремлении ее апологетов максимально «насытить» отечественный уголовный процесс исторически и ментально чуждыми ему цивилистическими подходами и решениями, противоречащими традиционным канонам производства по уголовным делам. Предлагая целый ряд «новаций» в УПК РФ, авторы вышеуказанного труда совершенно не учитывают принципиальные (сущностные) отличия публичных и частноправовых отраслей российского законодательства и фактически диаметральных методов правового регулирования, в них господствующих, а что самое главное – формирующих специфические системы конкретных средств и способов воздействия на возникающие в этих «параллельных мирах» общественные отношения.

В частности, в уголовно-процессуальном законодательстве России исторически доминирует публичное начало, которое состоит, прежде всего, в обязанности властных субъектов досудебного производства осуществлять уголовное преследование лиц, совершивших преступления. Об этом определенно сказано в ч. 2 ст. 21 УПК РФ: «В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лиц, виновных в совершении преступления». Очевидно в этой связи, что, принимая в окончательной редакции действующий УПК РФ, законодатель находился под влиянием ошибочных установок Концепции судебной реформы в Российской Федерации (1991) [9, с. 9–16], вследствие чего не включил в систему принципов уголовного процесса (гл. 2 УПК РФ) публичность. Об этом мы многократно упоминали в своих публикациях [10; 11; 12].

Тем не менее уголовному преследованию в Кодексе посвящена самостоятельная глава с одноименным названием, в ней разъясняются виды, субъекты, обязанности участников деятельности по уголовному преследованию, изобличению и привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. Одновременно в п. 55 ст. 5 УПК РФ весьма доходчиво разъясняется содержание уголовного преследования, состоящее в «процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях

изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления». Данная формулировка позволяет отличить обсуждаемое понятие от «обвинения», то есть **утверждения о причастности к преступлению**, являющегося результатом упомянутой деятельности (п. 22 ст. 5 УПК РФ)¹.

В этом контексте представляется безосновательным и надуманным предложение об исключении из УПК РФ понятия «уголовное преследование», составляющего сердцевину публичности, и замене его на категорию «обвинительная деятельность» [8, с. 263].

Так называемая «обвинительная деятельность» – аморфное понятие, адекватно не отражающее главные задачи публичной (официальной) деятельности органов дознания, следствия и прокурора, а также иных участников, полномочных участвовать в изобличении лиц, совершивших преступления. При таком подходе дезавуируются задачи, поставленные государством перед уголовным судопроизводством (ст. 6 УПК РФ), и конкретный вариант их «обрушения» предлагается авторами вышеуказанного труда [8, с. 265]. Причем к обвинительной деятельности соответствующих органов и должностных лиц причисляется и сам факт осуществления таких процессуальных и следственных действий, как наложение ареста на имущество, обыск, выемка, допрос, опознание, что вряд ли правильно. Перечисленные действия вполне могут быть произведены (и на практике производятся) в отношении посторонних («нейтральных») лиц, не имеющих отношения к совершенному кем-то преступлению, о чем прямо указано в УПК РФ (ст. 115, 182 и др.).

Сторонники исключения из нашего уголовного судопроизводства квинтэссенции публичности – категории уголовного преследования – широко опираются на предписания и принципиальные установки таких частных отраслей отечественного законодательства, как гражданское, арбитражное и др., ратуя о заимствовании уголовным процессом целого ряда установок и норм арбитражного, гражданского закона, о замене в УПК РФ положений о свободе оценки доказательств некими «стандартами доказывания» и т. д. [8, с. 44].

1 Уголовное судопроизводство : словарь / М.Ш. Буфетова и др. ; под ред. И.В. Смольковой. М. : ИНФРА-М, 2024. С. 93, 184.

В доктрине уголовного процесса многократно и справедливо подчеркивалось, что онтологическими корнями публичности является именно деятельность по уголовному преследованию и изобличению лиц, совершивших преступления [13; 14 и др.]. И если выхолостить из публичного начала его стержень, то проблематичным становится выполнение задач, которые государство ставит перед органами уголовной юстиции.

В связи с этим уместно привести оценки авторитетнейшего отечественного процессуалиста профессора В.П. Божьева, заявившего, что уголовный процесс, являясь важнейшим каналом реализации уголовной политики, был, есть и будет публичным, поскольку лица, ответственные за возбуждение уголовного дела и дальнейшее производство по нему, являются здесь властными субъектами, без действий и решений которых фактически нет уголовного процесса. Поэтому не существующий в уголовном процессе принцип диспозитивности (свойственный гражданскому процессу) по определению не может «существенно потеснить» принцип публичности, поскольку первый действует в данной сфере в ограниченных пределах, а его масштабы несопоставимы со вторым и ничуть не уменьшают области действия последнего [15, с. 695–696].

Важно подчеркнуть, что уголовное преследование и привлечение к ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, и сегодня остается насущной задачей органов и должностных лиц, представляющих государственную власть в сфере уголовного судопроизводства. Об этом прямо сказано в ст. 6 УПК РФ, содержащей перечень современных задач уголовного процесса.

Для успешного выполнения упомянутой задачи властным субъектам производства по уголовному делу законом предоставлены серьезные арсеналы полномочий, среди которых следственные и процессуальные действия, возможность принятия обязательных для исполнения решений, система мер уголовно-процессуального принуждения и т. д. Результатами применения данного инструментария служит сформированная (чаще всего – на досудебном производстве) совокупность доказательств, достаточных для вывода о причастности конкретного субъекта к

преступлению. То есть в случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, дознаватель и орган дознания обязаны с использованием вышеперечисленных средств принять предусмотренные УПК РФ меры к установлению события преступления, изобличению виновных лиц. С этой целью осуществляется официальная деятельность по собиранию, проверке, оценке и использованию доказательств, достаточная совокупность которых служит основанием для привлечения виновных к уголовной ответственности.

В данном контексте исключительно важное значение приобретает такой элемент процесса доказывания, как оценка имеющихся в уголовном деле доказательств. А в этом сегменте доказательственной деятельности сегодня не все однозначно – как в УПК РФ, так и в практической работе органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. Ощущаются определенные «шатания» и в уголовно-процессуальной доктрине. В частности, в системе основополагающих начал уголовного судопроизводства закреплён принцип, определяющий центральную идею мыслительной деятельности по оценке доказательств. Речь идет о ст. 17 УПК РФ «Свобода оценки доказательств».

Содержащиеся в упомянутой статье правила адресованы всем участникам процесса доказывания по уголовному делу, но особое значение они имеют для представителей государства, обладающих в уголовном процессе властными полномочиями. Объясняется этот акцент тем, что именно объективная оценка данными субъектами как отдельных видов имеющихся судебных доказательств, так и всей их совокупности в целом является главной предпосылкой принятия законных, обоснованных и справедливых решений по уголовному делу, без чего немыслимо достижение задач уголовного процесса. Причем эта жесткая установка законодателя действует на всём протяжении уголовного производства – от предъявления обвинения следователем до вынесения приговора судом (судьей).

Несмотря на несовершенство формулировки рассматриваемого принципа (о чем будет сказано далее), сама идея, воплощенная в его содержании, абсолютно адекватна существу рациональной деятельности субъек-

екта оценки доказательств, а главное – она позволила (более 160 лет назад) уйти от формального подхода, в соответствии с которым в законе были прописаны ранг и сила каждого доказательства. Закономерно в этой связи появление в ст. 17 УПК РФ части 2 следующего содержания: «Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы».

Вернемся к «несовершенству формулировки рассматриваемого принципа», в чем достаточно просто убедиться, сравнив редакцию ч. 1 ст. 17 УПК РФ и ее предыдущего аналога – ч. 1 ст. 71 УПК РСФСР 1960 г., существенно выигрывающей на фоне последнего варианта.

Современное лексическое оформление идеи свободной оценки доказательств имеет целый ряд изъянов. В частности, сама форма страдает тавтологией. То есть, согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ, основой оценки доказательств служит «совокупность имеющихся в деле доказательств». Искусственность предложенной законодателем формулы основы оценки доказательств очевидна в ее сравнении с ч. 1 ст. 71 УПК РСФСР, согласно которой фундаментом формирования внутреннего убеждения субъекта оценки служило всестороннее, полное и объективное рассмотрение *«всех обстоятельств дела»* (выделено нами. – В. А.) в их совокупности». Учитывая негативное отношение разработчиков УПК РФ к принципу всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела (безосновательно «удаленного» из системы принципов уголовного процесса), понятна подоплека их решения об изменении основы формирования внутреннего убеждения субъекта оценки доказательств в действующем Кодексе.

Однако получается, что сегодня следователь, дознаватель, прокурор и суд при оценке доказательств (в том числе их совокупности) опираются, исходя из предписаний ч. 1. ст. 17 УПК РФ, на «совокупность имеющихся в уголовном деле доказательств». Это пример элементарной тавтологии, являющейся, по общему мнению филологов, стилистической ошибкой, поскольку в нашем случае в тексте нормы неоправданно повторяется один и тот же термин, существенно искажая смысл анализируемой формулировки. Причем следует иметь в виду, что «факти-

ческие обстоятельства», которые прежде (в ст. 71 УПК РСФСР 1960 г.) служили объективной основой формирования внутреннего убеждения субъекта оценки доказательств, в том или ином виде присутствуют в материалах с самого начального момента осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Уже с появлением на стадии возбуждения уголовного дела заявления (другого сигнала) о преступлении речь в нем всегда идет именно о конкретных обстоятельствах. В то же время «достаточная совокупность доказательств», способная служить объективной основой оценки, зачастую появляется гораздо позднее, иногда – только на стадии предварительного расследования. Но практическая потребность оценить имеющиеся доказательства возникает и на гораздо более ранних этапах, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела (см., например, ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ).

В контексте сказанного напрашивается вывод о целесообразности возвращения в содержание ст. 17 УПК РФ адекватной основы формирования внутреннего убеждения субъектов (в первую очередь властных) оценки доказательств.

Весьма примечательно в этой связи предложение авторов программы «модернизации» уголовного судопроизводства, ратующих за полную ликвидацию принципа свободной оценки доказательств и замену его некими «стандартами доказывания» [8, с. 286–287]. При этом упомянутые юристы опираются на основополагающую идею всего цикла *частных отраслей российского права* – на их предназначение *разрешать на основе состязательности спор между двумя сторонами* гражданского, трудового или иного конфликта. Эта идея гармонично вписывается в механизм правового регулирования именно гражданско-правовых и родственных им общественных отношений. Но она не может быть механически перенесена в сферу уголовного судопроизводства, где доминирует публичное начало, сердцевиной которого является обязанность соответствующих представителей государства осуществлять уголовное преследование лиц, совершивших преступления.

Вряд ли можно согласиться и с тем, что «подход, заложенный в ст. 17 УПК РФ, про-

тиворечит как принципу состязательности, так и связанному с ним принципу равноправия сторон» [8, с. 283]. Сторонники данного утверждения вновь делают попытку механически применить цивилистические доктринальные подходы к оценке исторически сформировавшихся и во многом сохранившихся до сегодняшнего дня канонов отечественного уголовного процесса.

Во-первых, в уголовном судопроизводстве нет принципа равноправия сторон. Законодатель совершенно справедливо поместил данное положение в гл. 35 УПК РФ «Общие условия судебного разбирательства» (см. ст. 244), чем четко и однозначно определил **ранг этого установления**, не причислив его к основополагающим началам производства по уголовному делу, а признав всего лишь общим условием **судебного разбирательства**. То есть стороны равны за рамками досудебного производства, когда речь идет о рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу, а значит – о реализации функции отправления правосудия.

Во-вторых, не противоречит ст. 17 УПК РФ и состязательности, поскольку последняя имеет весьма ограниченное действие на стадиях возбуждения и расследования уголовного дела. Об этом свидетельствует простое сравнение возможностей сторон по собиранию, проверке, оценке и исследованию доказательств при возбуждении и расследовании уголовных дел. Если следователь, дознаватель – полноценные субъекты процесса доказывания, то представители стороны защиты лишь «участвуют» в этой деятельности, чаще всего – в масштабах, контролируемых государственными представителями.

Негодной является и попытка обосновать якобы назревшую необходимость замены принципа свободной оценки доказательств некими «стандартами доказывания» [8, с. 285–287]. Эта попытка, в случае ее успешной реализации, в состоянии дезавуировать основные достижения Судебной реформы 1864 г. и вернуть нас в Средневековье, во времена инквизиции, когда в уголовном процессе действовала система формальных доказательств. Сторонники этого подхода опять ссылаются на процедуры работы современного арбитражного суда, где действуют, как они указывают, «формализованные правила

оценки доказательств, которые минимизируют простор для усмотрения или "внутреннего убеждения" арбитражного суда и не оставляют места для "свободы оценки доказательств"» [8, с. 285]. Но в последнем случае речь опять идет о классическом правовом споре, где нет места обязанности государственных органов раскрыть преступление, изобличить и привлечь к уголовной ответственности виновных лиц.

Что же в этой связи предлагают сторонники «модернизации» уголовного судопроизводства? Сокрушаясь, что «уголовный процесс, не используя категорию "стандарт доказывания" даже на уровне судебной практики, в этом отношении традиционно отстает от современных тенденций развития процессуального законодательства», авторы полагают, что ситуацию необходимо исправить, «включив положение о стандартах доказывания в ткань УПК РФ, в том числе и в его статью 17» [8, с. 286]. В обоснование этой позиции приводятся суждения и выводы И.В. Решетниковой: «современный арбитражный и гражданский процесс переживает период перехода от объективной истины к стандарту доказывания, который постепенно формируется как в законодательстве, так и в судебной практике России» [8, с. 286].

Уголовный процесс такой период, к счастью для государства и общества, не переживает, а вопрос об объективной истине как цели доказывания и целесообразности ее буквального обозначения в тексте УПК РФ не снят с повестки в доктрине уголовного процесса и законодательстве, о чем свидетельствуют многочисленные публикации².

Вместе с тем, несмотря на, казалось бы, очевидные практические потребности и наличие убедительного теоретического обоснования необходимости обеспечения свободы оценки доказательств для следователя, дознавателя, прокурора и судьи, законодатель допускает «сползание» к позициям формальной их оценки (вопреки внутреннему убеждению перечисленных субъектов), примером чего является последняя редакция ст. 75 УПК РФ «Недопустимые доказательства». В частности, в ее содержании присутствуют

² См., например, серию статей, опубликованных в четвертом номере журнала «Библиотека криминалиста» за 2012 г.

по меньшей мере четыре конкретные нормы, прямо противоречащие принципу свободной оценки доказательств, подвигающие правоприменителя к использованию «средневекового» формального подхода к оценке отдельных видов доказательств.

К примеру, к недопустимым доказательствам относятся «показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, **включая случаи отказа от защитника** (выделено нами. – В. А.), и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде». Возникает вопрос: если в судебном следствии абсолютно убедительно установлено, что эти показания подтверждаются всеми другими доказательствами, рассмотренными и признанными судом достоверными, что тогда – судья, вопреки своему внутреннему убеждению, в угоду формальному требованию п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ обязан признать их недопустимыми?

Другие аналогичные примеры можно найти в п. 2.1, 2.2, 2.3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, где речь идет о предметах, документах или сведениях, полученных в ходе расследования из производства адвоката (маловразумительное исключение сделано лишь для вещественных доказательств), а также о документах, подтверждающих достоверность сведений о счетах, вкладах, иных активах, в связи с представлением соответствующих деклараций.

Все эти «новации», регулирующие вопросы частного характера, прямо противоречат содержанию ст. 17 УПК РФ, закрепляющей **принцип** доказательственной деятельности, а зна-

чит, исходя из элементарных установок общей теории права, они не должны применяться на практике. Кроме того, все эти нормы опрокидывают принципиальную установку ч. 2 ст. 17 УПК РФ о том, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Выводы

1. Соотношение публичных и частных начал в российском уголовном судопроизводстве определяется оправданным доминированием первых над вторыми.

2. Приоритет публичного (официального) сегмента учитывает ментальность населения России, опирается на историю формирования и становления как государственных институтов, так и системы средств и способов противодействия антиобщественным, в том числе преступным, проявлениям.

3. В основе абсолютного господства публичности отечественного уголовного процесса лежит его смешанная историческая форма и принадлежность континентальной правовой системе.

4. Представляется неприемлемой, противоречащей классическим канонам российского уголовного процесса попытка его «модернизации» за счет искусственного насыщения институтами, свойственными цивилистическому циклу правовых отраслей, где господствует частное начало, предполагающее свободу и широкий диапазон усмотрения отдельного субъекта, а также свой (специфический, диаметральный уголовно-процессуальному) метод правового регулирования.

Список источников

1. Давлетов А.А. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития : монография / А.А. Давлетов, Н.В. Азарёнок. – Екатеринбург : УрГЮУ, 2023. – 504 с.
2. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – Москва : Статут, 2016. – 1278 с.
3. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса / А.С. Барабаш. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2009. – 420 с.
4. Громов Н.А. Принципы уголовного процесса, их понятие и система / Н.А. Громов, В.В. Николайченко // Государство и право. – 1997. – № 7. – С. 33–40.
5. Рогова О.И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.И. Рогова. – Томск, 1994. – 28 с.

REFERENCES

1. Davletov A.A., Azarenok N.V. Criminal Procedure in Russia: Historical Roots, Current State, Prospects for Evolutionary Development. Ural State Law University Publ., 2023. 504 p.
2. Golovko L.V. (ed.). Course of Criminal Procedure. Moscow, Statut Publ., 2016. 1278 p.
3. Barabash A.S. Public Beginning of Russian Criminal Procedure. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2009. 420 p.
4. Gromov N.A., Nikolaychenko V.V. Principles of Criminal Procedure, Their Concept and System. Gosudarstvo i pravo = State and Law, 1997, no. 7, pp. 33–40. (In Russian).
5. Rogova O.I. Limits of Manifestation of Disposition in Criminal Proceedings. Cand. Diss. Thesis. Tomsk, 1994. 28 p.

6. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном процессе России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.Н. Масленникова. – Москва, 2000. – 46 с.
7. Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.С. Дикарев. – Волгоград, 2004. – 22 с.
8. Приходько И.А. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство современной России. Векторы модернизации / И.А. Приходько, А.В. Бондаренко, В.М. Столяренко. – Москва : Международные отношения, 2024. – 944 с.
9. Азаров В.А. Все ли «новации» вписываются в российские уголовно-процессуальные традиции? / В.А. Азаров // Университетские правовые диалоги : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Юрия Даниловича Лившица, 29–30 марта 2019 г. / под ред. С.М. Даровских, Г.С. Русман. – Челябинск : ЮУрГУ, 2019. – С. 9–16.
10. Азаров В.А. Функциональное содержание и типология современного уголовного процесса России / В.А. Азаров // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы международной научно-практической конференции. 27–28 января 2005 г. Ч. 1. – Екатеринбург : УрГЮА, 2005. – С. 15–18.
11. Азаров В.А. Усиление публичности российского уголовного процесса – потребность времени / В.А. Азаров // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных трудов / под ред. В.А. Лазаревой. Вып. 5. – Самара : Самарский университет, 2010. – С. 16–22.
12. Азаров В.А. Стратегия развития уголовно-процессуального законодательства России / В.А. Азаров // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : материалы международной научно-практической конференции (Омск, 25 апреля 2019 г.) / отв. ред. И.Г. Рагозина, Ю.В. Деришев. – Омск : Сибирский юридический университет, 2019. – С. 3–7.
13. Шманатова В.Е. Публичное начало как основа уголовного преследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.Е. Шманатова. – Самара, 2004. – 22 с.
14. Горлова С.В. Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.В. Горлова. – Челябинск, 2006. – 19 с.
15. Божьев В.П. Избранные труды / В.П. Божьев. – Москва : Юрист, 2010. – 715 с.
6. Maslennikova L.N. Public and Disposition Principles in Criminal Proceedings in Russia. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2000. 46 p.
7. Dikarev I.S. Disposition in Criminal Proceedings in Russia. *Cand. Diss. Thesis*. Volgograd, 2004. 22 p.
8. Prikhodko I.A., Bondarenko A.V., Stolyarenko V.M. Criminal and Criminal Procedure Legislation of Modern Russia. *Vectors of Modernization*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2024. 944 p.
9. Azarov V.A. Do All “Innovations” Comply with Russian Criminal Procedure Traditions? In Darovskikh S.M., Rusman G.S. (eds.). *University Legal Dialogues: Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of Professor, Doctor of Law, Honored Worker of Higher Education Yuri Danilovich Livshits, March 29–30, 2019*. South Ural State University Publ., 2019, pp. 9–16. (In Russian).
10. Azarov V.A. Functional Content and Typology of Modern Criminal Procedure in Russia. *Fifty Years of the Department of Criminal Procedure of the Ural State Law Academy (SLA). Materials of the International Scientific and Practical Conference. January 27–28, 2005*. Ural State Law Academy Publ., 2005, pt. 1, pp. 15–18. (In Russian).
11. Azarov V.A. Strengthening the Publicity of Russian Criminal Procedure Is the Need of the Time. In Lazareva V.A. (ed.). *Actual Problems of Modern Criminal Procedure in Russia. Inter-University Collection of Scientific Papers*. Samara University Publ., 2010, iss. 5, pp. 16–22. (In Russian).
12. Azarov V.A. Strategy for the Development of Criminal Procedure Legislation in Russia. In Ragozin I.G., Derishev Yu.V. (eds.). *Actual Problems of Criminal and Criminal Procedure Policy of the Russian Federation. Materials of the International Scientific-Practical Conference (Omsk, April 25, 2019)*. Siberian Law University Publ., 2019, pp. 3–7. (In Russian).
13. Shmanatova V.E. Public Principle as a Basis for Criminal Prosecution. *Cand. Diss. Thesis*. Samara, 2004. 22 p.
14. Gorlova S.V. Criminal Prosecution as a Manifestation of Publicity in Criminal Proceedings. *Cand. Diss. Thesis*. Chelyabinsk, 2006. 19 p.
15. Bozhev V.P. *Selected Works*. Moscow, Yurist Publ., 2010. 715 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Азаров Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Azarov Vladimir Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 12.12.2024; одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 23.12.2024. The article was submitted 12.12.2024; approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 23.12.2024.